

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются публицистические произведения Д. С. Мережковского, написанные в период эмиграции. Особое внимание уделяется оценке публицистом Октябрьской революции 1917 года, его резкой критике большевизма.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, публицистика русского зарубежья, Октябрьская революция 1917 года.

Abstract: the article explores emigre public writing by D. S. Merezhkovsky. Special attention is paid to his assessment of 1917 October Revolution and his criticism of Bolshevism.

Keywords: D. S. Merezhkovsky, Russian emigre public writing, October Revolution of 1917.

События Октября 1917 года, ставшие одними из самых драматичных и переломных в истории России, раскололи русский мир. Сказались они и на судьбе, творчестве известного литератора, религиозного философа, яркого представителя Серебряного века Д. С. Мережковского. Не приняв Октябрьскую революцию и установившуюся после нее советскую власть, он добровольно покинул Россию в конце 1919 года. Следует отметить, что негативное отношение к большевистскому режиму и последующая эмиграция — это вполне закономерные для Д. С. Мережковского явления. Еще в 1908 году, полемизируя с П. Б. Струве, он заявлял в статье «Красная шапочка»: «Я люблю свободу больше, чем родину, ведь у рабов нет родины, и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским» [1, 290].

Эмигрантский путь Мережковского пролегал из Петрограда через Минск, Варшаву — в Париж, общепризнанную столицу русского зарубежья. Дмитрий Сергеевич стал знаковой фигурой в литературной, культурной и общественно-политической жизни «России № 2», этого уникального государства без границ. Все два десятилетия эмиграции Мережковский, как и большинство писателей русского зарубежья, активно занимался публицистической работой. Он печатался на страницах многих периодических изданий русского зарубежья: «Свобода», «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Новая русская жизнь», «Современные записки», «Возрождение», «Новый корабль», «Звено», «Сегодня», «Меч» и др. К сожалению, эта весомая часть его творческого наследия пока изучена недостаточно.

В статьях, эссе, открытых письмах Мережковский неизменно демонстрировал абсолютное неприятие

Октября 1917 года и большевистского режима. Отметим, что о своем негативном отношении к новой власти он заявил до отъезда из России, когда публиковался в петроградских газетах, еще не запрещенных большевиками.

В публицистических выступлениях Мережковского периода эмиграции дается жесткая оценка Октябрьской революции 1917 года, которая рассматривалась им, с одной стороны, как контрреволюционный путч, пришествие темных сил. С другой стороны, революция для него — великий грех народа, допустившего политических проходимцев к власти. Являясь бескомпромиссным противником большевистского режима, он неустанно разоблачал новую власть в России. Библейские мотивы, характерные для творчества Мережковского в целом, активно звучат в его эмигрантской публицистике. Большевизм для публициста — «Царство Антихриста» (именно так Мережковский назвал свою программную статью, опубликованную в парижской газете «Общее дело» в 1921 году).

Советская Россия рассматривалась им также как «Царство Плоских» [2, 490], в котором искалечено человеческое начало. Он утверждал: «Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плющильный молот, которым все в человеке трехмерное, глубокое и высокое, уничтожается или вдавливается, вплющивается в совершенную плоскость» [2, 490]. Мережковский настойчиво предупреждал читателей, что «Царство Плоских в России может иметь для всего человечества необозримые последствия, потому что Россия для них не цель, а только средство к цели — завоеванию мира» [2, 491].

Представители новой власти неизменно изображались им как «сыны дьявола, лжецы и челове-

коубийцы от начала» [2, 9]. Он считал их палачами России. «Красное знамя в руках большевиков делалось знаменем свободоубийства, братоубийства» [2, 117], — утверждал он в статье «Савинков и Врангель». «Пока жив большевизм, свобода мертва» [2, 10], — неоднократно повторял он в публицистических выступлениях периода эмиграции.

Следует подчеркнуть, что Мережковский разоблачал большевизм не только в нравственном, но и в политическом плане, отказывая ему в революционности. Победу большевиков он называл Октябрьской контрреволюцией. По его мнению, новая власть не уничтожила, а, наоборот, укрепила деспотизм, заменив самодержавие хамодержавием и тем самым осуществив пришествие Грядущего Хама, о котором публицист пророчески писал в одноименной статье 1906 года. В «Записной книжке», опубликованной в газете «Свобода» в 1920 г. он отмечал, что «русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила» [2, 59]. По его мнению, «самодержавие царя — пирамида острием вверх: один поработывает всех. Самодержавие народа — также пирамида, острием вниз: один поработается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова» [2, 59]. Публицист не считал большевизм революционным движением, для него это «величайшая реакция, которую можно себе вообразить, — разрушение культуры и упразднение свободы и принципа личности» [2, 35].

Отметим, что в своих статьях Мережковский четко разводил два понятия — большевизм и социализм. По его мнению, новая власть в России «только прикрывается знаменем социализма <...> позорит святые для многих идеалы социализма» [2, 38]. Мережковский показывал, что все в большевизме основывается на тотальном извращении понятий, на лжи и насилии: провозглашенные на словах «мир, хлеб, свобода» на деле означают «война, голод, рабство». Он утверждал, что в советской России «впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское» [2, 10]. Не веря в созидательное начало представителей новой власти, он отмечал в «Записной книжке»: «Ничего не могут они создать, но все могут разрушить, растлить» [2, 59].

Публицист считал виновниками бездуховности, воцарившегося хамства в России не только большевиков. Удручало его то, что «русский народ — пусть даже не весь, а только малая часть его <...> оказался сообщником убийц России; что с такой внезапной легкостью предал он свою тысячелетнюю святыню — христианство — и надругался над ней» [2, 493].

Мережковский был уверен, что борьба с советской властью, которую он считал абсолютным злом, должна быть упорной и бескомпромиссной. Какие-либо надежды на перерождение или эволюцию советской власти в благоприятном направлении, по его мнению, лишены всяких оснований. Своим мак-

симализмом Мережковский противостоит в этом отношении той части эмиграции, которая допускала возможность сотрудничества с большевиками. В статье «Царство Антихриста. Большевики, Европа и Россия» он писал: «Лучше большевики, чем то или это», говорите вы, а мы говорим: лучше все, чем большевики. Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы — ни с чем. Вы — мирящиеся; мы непримиримые» [2, 7].

Исторический путь родины Мережковский представил в созданной им «теории трех России»: «Россия первая — царская, рабская; Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная» [2, 6]. Он уверен, что существо третьей России должно быть религиозным. В статье «Царство Антихриста» обозначено предвиденье не только «третьей России», но и «третьей Европы». По его мнению, «третьей» будет та Европа, которая переживет не только политические и социальные, но и серьезные религиозные изменения. Мережковский, ставший свидетелем трех русских революций, не переставал мечтать о подлинной революции духа, которая будет всемирной.

Следует особо отметить, что революция социальная имела для Мережковского смысл лишь при условии одновременной религиозной революции, точнее, единства их, полного слияния. Именно этому и была посвящена вся деятельность Мережковского до 1917 года, как литературная, так и общественная. Его романы, статьи, трактаты, Религиозно-философские собрания — все было подчинено одной цели, которую Мережковский в статье «Революция и религия» сформулировал так: «Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой» [1, 195].

По его мнению, только религиозная революция способна победить «буржуино-большевистскую реакцию», объединить всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердить истинную свободу, равенство, братство. Публицист часто размышлял о религиозном содержании революции, которая призвана «утвердить свободу со Христом — Абсолютную Личностью» [2, 28]. Результатом такой революции, по мнению Мережковского, станет общая судьба Запада и России. Он считал, что Россия ближе к грядущему воскресению и спасению, чем благополучные европейские народы. По мнению Мережковского, истерзанная Россия загнана в такие условия, выходом из которых может быть лишь полное преобразование.

Мечтая спасти Россию от большевистского злыдня, Мережковский надеялся на помощь извне, поддерживал идею иностранной интервенции. Как и Л. Андреев, И. Бунин, А. Куприн, З. Гиппиус и другие публицисты русского зарубежья, он выражал негодование по поводу неадекватности Европы и Америки, которые не хотели понять, что большевизм — это страшная опасность для всех.

Декларируемое «невмешательство» европейских стран в происходящее с Россией он расценивал не иначе как вмешательство в русские дела, но в пользу большевиков. Неустанно Мережковский заклинал христианскую Европу осознать всю глубину русской исторической трагедии, а также смертельную угрозу ее собственному существованию. В статье «Чем это кончится?» он апеллирует к опыту древней истории: «Большевизм — у ворот, как древний конь с данайцами. И никем не услышан вопль Кассандры пророчицы: “Если конь войдет, пал Илион!” Наш вопль не услышан никем» [2, 158].

Убеждая европейцев, что, «борясь за свободу России, мы боремся и за свободу мира» [2, 246], Мережковский обращался с открытыми письмами к верховному комиссару Лиги Наций Нансену, римскому папе Пию XI, писателям Г. Уэллсу, Г. Гауптману и другим. В открытом письме к редактору парижской газеты «Ля Орде» Эмилю Бюре Мережковский подводил горькие итоги своей шестилетней политической деятельности в эмиграции. Он писал: «<...> я обивал все пороги, лазал на все чужие лестницы, и отовсюду вытолкнут хуже, чем бесстыдный нищий, — как последний дурак <...>. Руки мои избиты до крови даже не о запертые двери, а о глухую стену. В вашей европейской “свободе”, в страшном бесчувствии вашем к вашей же собственной гибели, я задыхался, как задыхаются люди, посаженные в чекистскую камеру с пробочными стенами» [2, 239].

В письме к Г. Гауптману Мережковский жестко оценивал «невмешательство» Европы в русские дела: «Совершается злодейство, от начала мира небывалое: великий народ убивает кучка злодеев и все остальные народы умывают руки или помогают убийцам» [2, 164—165].

Особого внимания заслуживает послание Мережковского к Герберту Уэллсу, впервые опубликованное в авторитетной газете русского зарубежья «Последние новости» в 1920 году. В нем дается лично окрашенное, предельно эмоциональное обращение к английскому писателю-фантасту, который в сентябре 1920 г. побывал в России, встречался с Лениным. Отдавая должное литературному таланту Уэллса, отмечая в нем «редчайшее соединение математически-точного ума с гениальной силой воображения» [2, 125], Мережковский не скрывал своего разочарования по поводу откликов английского писателя на происходящее в России, обвинял его в симпатии к большевикам. Он с негодованием замечал: «Вы гляделись в лицо России шестнадцать дней; а я — пятьдесят лет. Россия вам — чужая; мне — мать» [2, 128].

Но главное для него — не обвинить Уэллса в примирении с большевизмом, в потворстве этому античеловеческому режиму, а объяснить писателю глубину его заблуждений, побудить его изменить точку зрения на происходящее в России. Пытаясь переубе-

дить своего адресата и активно воздействовать на читателей, Мережковский прибегает к самым разным аргументам: ссылается на библейскую притчу о богаче и Лазаре; цитирует письмо учительницы одной из советских школ о чудовищном поступке мальчиков, из-за голода зарезавших и съевших своего товарища; разоблачает деятельность Горького, в котором фантаст увидел праведника, спасающего русскую культуру.

В заключение письма Мережковский, обращаясь к литературному творчеству адресата, приводит еще один серьезный аргумент: он сравнивает большевиков с марсианами из фантастического романа Уэллса. Автор послания утверждает, что «сейчас не только в России, но и по всей земле происходит то, что вы так гениально предсказали в “Борьбе миров”» [2, 132].

По мнению, Мережковского, «самое страшное в большевиках не то, что превзошли всякую меру злодейств человеческих, а то, что они существа иного мира, их тела — не наши, их души — не наши. Они чужды нам, земнородным, неземно, трансцендентно чуждостью» [2, 132—133].

Он взывает к чуткости, прозорливости и гуманизму художника слова: «Вы знаете, что торжество марсиан — гибель не только моего и вашего отечества, но и всей планеты Земли» [2, 133]. Письмо венчается бескомпромиссным вопросом, обращенным к Уэллсу: «Так неужели же вы — с ними против нас?» [2, 133].

В статье «Моя обманутая вера в Польшу» Мережковский удивлялся «опасному ослеплению многих в Европе» [3, 179] и замечал: «Европа жаждет мира и спокойного труда. И обманывает себя, думая, что может достичь успокоения, пока Россия задыхается под игом новых варваров. Обманывает себя, считая, что может экономически преуспевать, пока целый соседний народ вымирает от голода, убеждая себя, что застрахована от внутренних потрясений, хотя у III Интернационала есть такая база, как Россия» [2, 177—178].

Следует отметить, что, находясь в начале эмиграции в Варшаве, Мережковский надеялся на свержение большевиков при помощи польского военного вмешательства, встречался с И. Пилсудским. В беседе с редактором и издателем газеты «Наш край» (Вильно) он уверенно заявлял: «Польша образует сегодня вал от затопления Европы большевизмом. Поэтому роль Польши исключительно ответственна» [2, 35]. Но эти надежды не оправдались, так как в 1920 г. в Минске было подписано советско-польское перемирие.

Вследствии в «крестовом походе против коммунизма» он возлагал надежды на Муссолини, затем на Гитлера, видя в них «орудие» в борьбе с большевиками. По-прежнему нетерпимо относясь ко всем формам тоталитаризма, он, как и определенная часть эмиграции, надеялся, что большевизм и нацизм уничтожат друг друга. Анализируя события, происходящие

в мире, Мережковский с тревогой писал о срединном положении Европы между двумя враждебными силами: «В нижнем этаже — пороховой погреб фашизма; в верхнем — советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем — Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» [4, 15]. Следует отметить, что о нарастающей угрозе Второй мировой войны писатель предупреждал еще в 1930 году, за 9 лет до ее начала: «Нынешняя Россия — продолжающаяся первая война и готовящаяся вторая, мост между ними; по тому, как Европа укрепляет его, видно, как ее “ночная душа” тянется к войне» [4, 16].

Мережковский-публицист последовательно демонстрировал в эмиграции антибольшевистскую позицию, жестко критиковал новую власть в России. Его публикации были предельно пристрастными. Он, как и большинство публицистов русского зарубежья, замечал только отрицательные изменения на родине при советской власти. Справедливости ради отметим, что в эмигрантской публицистике существовали и другие подходы к освещению советской действительности. В частности, А. И. Куприн демонстрировал более широкий взгляд на Советскую Россию в своих публикациях. Он не делил Россию на «старую» и «новую», «истинную» и «дьявольскую». В статье «Мой герой — правда» он утверждал, что «нет никакой Советской России, а есть та же самая русская Россия, подпавшая Божьим попустительством и капризом дьявола, под власть слепых, глухих, безграмотных и бесовских теоретиков, а также мстительной, жадной и злой сволочи, а также еще мастеров, выжимающих золото из грязи и крови» [5, 566]. По мнению Куприна, Россия большевистская — это родина, которая находится в беде, поэтому нельзя дистанцироваться от ее проблем.

Верность позиции непримиримости по отношению к большевикам Мережковский сохранял на протяжении всей эмигрантской жизни. 29 мая 1935 года Мережковский выступил на очередном собрании общества «Зеленая лампа», посвященном «Старой

и новой непримиримости», с речью, которая в июне была опубликована в газете «Возрождение»: «Надо спрашивать не о том, можем ли мы, русские люди, примириться с русскими коммунистами или вообще с коммунистами, а о том, могут ли они примириться с нами. Нет, не могут. Между ними и нами происходит борьба не двух политико-социально-нравственных, философских и религиозных мировоззрений, а двух миров, двух метафизических порядков бытия. Им быть — не быть нам, нам быть — не быть им» [2, 438].

Свержения большевиков Мережковский желал еще в 1917 году и неутомимо призывал к этому все 20 лет своей эмиграции — от первых статей в варшавской газете «Свобода» до последней крупной публицистической работы «Тайна русской революции», опубликованной спустя 60 лет [3]. Столетний юбилей Октября 1917 года — хороший повод еще раз внимательно перечитать страстную публицистику Д. С. Мережковского, которую нельзя не учитывать в процессе осмысления и переосмысления революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам / Д. С. Мережковский. / Сост. и коммент. А. Н. Николюкина. — Москва: Республика, 2004.
2. Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Д. С. Мережковский / Сост., комментарии О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; посл. О. А. Коростелева. — Санкт-Петербург: РХГИ, 2001.
3. Мережковский Д. Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Д. Мережковский / Пред. и прим. А. Н. Богословского. — Москва: Русский путь, 1998.
4. Мережковский Д. С. Атлантида-Европа: Тайна Запада / Д. С. Мережковский. — Москва: Русская книга, 1992.
5. Куприн А. И. Голос оттуда: 1919—1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные некрологи. Заметки / А. И. Куприн / Сост., вступ. ст., прим. О. С. Фигурновой; ред. В. П. Кочетов. — Москва: Согласие, 1999.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru*

*Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism History and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru*